

ROMAN SZUBIN

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7603-5336>

Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu

РЕТРОТОПИЯ КАК ФОРМА ПОБЕГА И КОНФОРМИЗМА (ОПРАВДАНИЕ ОСТРОВА И ЧАГИН ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА)

RETROTOPIA AS A FORM OF ESCAPE AND CONFORMITY:
(JUSTIFICATION OF THE ISLAND AND CHAGIN BY EVGENY VODOLAZKIN)

The article considers several works by Evgeny Vodolazkin of recent years, in which there is a convergence of medieval techniques and modern literary trends. All of them are united by a global setting for retrotopia, in the understanding of Sigmund Bauman, namely: an escape into the past, a search for the limit of originality, a sense of unity, and myth-making. Based on the article *Literature: The Future Is in the Past* (2019) and the novel *Justification of the Island* (2020), the study of the topic of anachronisms as a form of aberration of consciousness and retrospective thinking, characteristic of the Middle Ages, is carried out. The novel *Chagin* (2022) explores the myth-making attitudes associated with the method of retrospection, in which memory is distorted, consciousness is restructured, and mistakes and moral fall are justified. Such concepts and categories as reality, history, memory, responsibility, deed, and repentance are completely withdrawn from circulation. As a conclusion, one can postulate a paradoxical annulment of the theme of memory, declared at the beginning of *Chagin's* novel, and its replacement with the theme of oblivion and memory distorted in retrospection, symbolically represented by the rivers Lethe and Eunoia.

Keywords: retrotopia, retrospection, myth-making, anachronisms, conformism

1. РЕТРОТОПИЯ И ЕЕ ГЛАВНЫЕ КРИТЕРИИ

Ретротопия — последняя книга польско-британского социолога Зигмунта Баумана (1925—2017), описывающая тягу современного человека к прошлому. Ретротопия, как ее понимает Бауман, проходит два этапа: на первом ретротопия преодолевает утопические проекты установления рая на земле и сведения неба на землю, представляя некий реалистический проект, но на втором этапе, в попытке обрести «утраченное/украденное/брошенное время», ретротопия воскрешает утопию. Таким обра-

зом ретротопия является результатом «отрицания отрицания», или «двойного отрицания» утопии¹. В «побеге к прошлому» современный человек может найти «реабилитацию общности племенного типа, возвращение к идее первичного/чистого 'я', свободного от влияния культуры, отход от обязательных требований 'цивилизованного порядка'»².

Однако это определение выглядит несколько размытым. С учетом некоторых положений филологической герменевтики Вардана Айрапетяна можно дополнить понятие ретротопии и выделить ее критерии.

Проявлением *ретротопичности* может быть:

1) недоверие и усталость от революционно-прогрессивного мышления, для которого «младшее есть главное»³. Бауман замечает, что эскапизм в прошлое особенно характерен для динамичных, революционных процессов, интенсифицируется он в эпоху глобализации;

2) доминирование консервативного мышления, для которого «старшее есть главное», что мы можем наблюдать в реставрации консервативных националистических политических проектов в Европе, США и России, в появлении интереса к истории и памяти, ренессансе предшествующих культур и артефактов, установлении диалога с прошлым и активности прошлого («новое — это хорошо забытое старое», «прошлое толкует нас») и т.д.;

3) предшествующие два критерия связаны с первым типом отрицания, утопической же ретротопию делает мифотворческое мышление, для которого «главное есть старшее». Уже в этой формуле мы видим ситуацию подмены и замены субъекта предикатом и попытку последнее сделать первым, конец сделать началом, по Айрапетяну. Михаил Бахтин назвал такую подмену «исторической инверсией»⁴. Свидетельством мифотворчества

¹ Z. Bauman, *Retrotopia. Jak rządzi nami przeszłość*. Пер. К. Lebek, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2018, с. 12.

² Там же, с. 19.

³ В. Айрапетян, *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски*, Институт философии, теологии и истории св. Фомы, Москва 2011, с. 220. Ср.: «Для консервативного мышления старшее есть главное, для революционного младшее есть главное, а для мифотворческого главное есть старшее (ср. 'историческую инверсию')».

⁴ Подробнее: М. Бахтин, *Собрание сочинений*, т. 3. Языки славянских культур, Москва 2012, с. 399–402.

может быть формируемая задним числом ностальгия по СССР, целый ряд мифологем («Россия поднимается с колен», «нас обманули», «распад СССР — геополитическая катастрофа»), война в Украине и ее псевдоисторические цели.

Для мифотворческого мышления характерны следующие особенности:

- ретроспектива и анахроничность;
- перенос современных представлений в «начало», восприятие прошлого как будущего;
- прошлое переоценивается, переосмысливается и переписывается;
- ретроспективное, постфактумное, «заднее», эпиметеево мышление: реакция на события становится запоздалой и напоминает пословицу *Русский задним умом крепок (Polak mądry po szkodzie, With the wisdom of hindsight, l'esprit d'escalier, après-coups, Prophète après coup)*;
- *vacitinium ex eventu*, пророчества задним числом;
- анахронизмы, свидетельствующие о подмене задания данностью, реального — должным, представленным как уже бывшее;
- архаичная (средневековая) логика мысли, рассматривающая события *sub specie aeternitatis* и исключая причинно-следственные связи;
- отложенные во времени оценки и решения; начинает доминировать апелляция к потомкам, которые все поймут и во всем разберутся.

Ретротопия в России отчетливо принимает форму ностальгии по СССР, в ней сходятся, по Бауману, желания «свободы и безопасности»⁵. Насколько возврат к прошлому и поиск в нем спасения был национальной чертой россиян, попытался осмыслить русский историк Василий Осипович Ключевский. В дневнике от 6 ноября 1868 года он несколько громоздко описал «дивное спасительное свойство реакционной экспансивности», когда «душа необъятно расширяется в прошедшее»⁶, когда уход в прошлое рассматривается как способ движения вперед, борьбы с депрессией и даже формой проактивного мышления:

⁵ Z. Bauman, *Retrotopia...*, с. 19.

⁶ В. Ключевский, *Собрание сочинений в 9 томах*, т. 9, Мысль, Москва 1990, с. 294.

Опять поднимаются песни, когда-то звучавшие, оживают биения, когда-то бывшие в сердце. Так всякий раз, когда останавливается движение жизни в будущее, является возможность вновь пережить прожитое, но пережить в другой, идеальной редакции, ибо здесь хозяйничает уже **творческий дух**, а не внешние силы⁷.

Ключевский упоминает «идеальную редакцию», а следовательно, намекает на искажение, перестройку прошлого, возникающую в ретроспективе. Поэтически и лаконично эту тенденцию к искажению прошлого сформулировал Александр Пушкин в стихотворении *Если жизнь тебя обманет*, выделяя в ней психологическую составляющую, ср.:

Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло.
Все мгновенно, все пройдет,
Что пройдет, то станет мило⁸.

2. АНАХРОНИЗМ КАК МИФОТВОРЧЕСТВО

«Прошлое возвращается», — так начинается программная статья Евгения Водолазкина *Литература: будущее в прошедшем*, где при всем различии эстетических систем описывается сходство средневекового текста и текста в современном понимании, в частности в аспекте поэтики постмодернизма: это касается проблемы «смерти автора», мозаичного способа повествования, цитатности, центонности, интертекстуальности и т.д.⁹

Насколько безуспешна эта попытка, блестяще показал в полемической статье Марк Липовецкий, обнаружив в ней двоя-

⁷ Там же.

⁸ А. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 10 томах*, т. 2. Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1950, с. 273.

⁹ Подробнее: Е. Водолазкин, *Литература: будущее в прошедшем* // его же, *Иди беспрепятно. Между литературой и жизнью*, Издательство АСТ, Москва 2020, <https://www.litres.ru/book/evgeniy-vodolazkin/idti-bestrepetno-mezhdu-literaturoy-i-zhiznu-48788598/> (25.09.2023). Эти же идеи рассматриваются в ряде других работ: Е. Водолазкин, *О средневековой письменности и современной литературе*, «Текст и традиция» (альманах), вып. 1, Ростов, Санкт-Петербург 2013, с. 37–55, <https://culturolog.ru/content/view/2507/95/> (25.09.2023); Е. Водолазкин, *Средневековая поэтика и современная литература*, «Труды Отделения историко-филологических наук РАН–2015». Отв. ред. В. А. Тишков; сост. Н. В. Тарасова, Наука, Москва 2016, с. 87–93.

кую тенденцию. Водолазкин, во-первых, пытается очистить от деконструкции постмодернизм, лишив его главной функции: «деконструкции бинарных оппозиций как той структуры, которая оформляет метанарративы и символически обеспечивает порождаемую ими культурную и социальную репрессию (стороны оппозиций всегда асимметричны)»¹⁰. А во-вторых, стремится оправдать консерватизм, а заодно и подорвать идею прогресса как результат линейно выстроенной истории:

Очищенный от деконструкции, постмодернизм, в интерпретации Водолазкина, становится проводником авторитарности и прокладывает дорогу для эпохи новых метанарративов, которую в 2015 году писатель называл «новой серьезностью», а в 2016-м определял как «эпоху концентрации»¹¹.

Анализируя стилистические анахронизмы — вкрапления современной фразеологии в псевдосредневековую речь героев *Лавра*, Липовецкий приходит к мнению, что анахронизмы маркируют дискурс повседневности и упраздняют время и историю; здесь Липовецкий ссылается на Карла Ранера, цитируемого Водолазкинским: «совершенное спасение — это не момент истории, а ее упразднение»¹².

Собственно, это понимает и сам ученый-медиевист, отмечая в своих научных работах «равноположенность» пророчества и события в средневековом сознании, нивелирование причинно-следственных связей и линейно выстроенной истории. Приведем несколько цитат, свидетельствующих об анахроничности средневекового мышления: «Читающиеся там толкования ретроспективны, они не предсказывают будущих событий, а выбирают из событий состоявшихся»¹³; «Возможность ретроспективного движения от события к пророчеству была прямым следствием их равноположенности в средневековом сознании»¹⁴.

Отсюда можно заключить, что анахроническим в полном

¹⁰ М. Липовецкий, *Анахронизмы в 'Лавре' Евгения Водолазкина, или Насколько серьезна «новая серьезность»* // А. Skotnicka, J. Świeży (ред.), *Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Jewgienij Wodołazkin*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2019, с. 53.

¹¹ Там же, с. 54.

¹² Там же, с. 60.

¹³ Е. Водолазкин, *Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков)*, Санкт-Петербургский дом, Петербург 2008, с. 51.

¹⁴ Там же, с. 102.

смысле этого слова было средневековое сознание, допускающее ситуацию *vacitinium ex eventu* (пророчество задним числом), датировку события задним числом, запоздалое дописывание мотивационной составляющей события:

«Проходимость» исторического времени в обоих направлениях иллюстрирует ту особенность средневекового сознания, которую можно условно определить как отождествление должного с имевшим место¹⁵.

Ретроспективное, постфактумное мышление средневековых людей, безусловно, носило печать тотального анахронизма. Анахроничность была

причиной возникновения «странных речей» ряда древнерусских персонажей. Так, злодеи называли себя злодеями, люди иной веры — неверными, а языческие волхвы обильно цитировали Псалтирь. С точки зрения русского автора, эти персонажи говорили правильные вещи, и он не задавался вопросом, насколько естественны эти тексты в их устах¹⁶.

Анахронизмы в современном мышлении связывают с мифотворчеством. В фундаментальном исследовании филолога Вардана Айрапетяна *Толкуя слово: опыт герменевтики по-русски*, с опорой на категорию «исторической инверсии» Михаила Бахтина, производится своего рода вскрытие мифотворческого, анахронического, ретро- и утопического мышления. По мнению Айрапетяна, мифотворческое мышление выражается в формуле «главное есть старшее» и переворачивает естественный исторический ряд событий в обратный, меняя местами причину и следствие: «мифотворческое мышление, для которого главное есть старшее, первое по времени, начинает с конца-инога и производит из него всё; это и есть 'историческая инверсия'»¹⁷.

Мифотворческое мышление целиком проявляется в таком средневековом жанре, как *жития святых*. Если, скажем, во внежанровом времени святость и праведность является *заданием*, достигается путем покаяния, расчета с прошлым (грехом) и духовного подвига, то в агиографической литературе все «начинается с конца»: святой не *становится* святым, а *рождается святым*, святость фиксируется как *данность и изначальность*,

¹⁵ Там же.

¹⁶ Е. Водолазкин, *Литература: будущее в прошедшем...*

¹⁷ В. Айрапетян, *Толкуя слово...*, с. 241–242.

мотив перерождения и покаяния опускается, поскольку праведник на протяжении всей своей жизни *творит чудеса, изгоняет бесов и ведет жизнь праведную*. Часто это связано с тем, что жизнеописание святого происходит в ретроспективе, и временная разница между событиями и описанием жития составляет нередко несколько столетий.

3. РОМАН ВОДОЛАЗКИНА ОПРАВДАНИЕ ОСТРОВА О МИФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Предпоследний роман Водолазкина *Оправдание острова* является прекрасной художественной иллюстрацией основных положений, затронутых в теоретической части. В нем синтезированы основные жанры средневековой словесности: хроники, жития, притчи. Вместе с тем представлены и художественно обыграны (вскрыты и переосмыслены) элементы, присущие средневековому сознанию. В частности, история с чудесным обнаружением, а затем подменной списка с родословием, написанным постфактум и постфактум обретенным (глава вторая *Константин*) — пример разоблачения мифотворческого механизма.

В романе с большим пристрастием прослеживается история княжеской пары Парфения и Ксении, живущей в духовном, белом браке, которой даровано долголетие. Они проживают историю острова — своей страны и своего народа, минувя века, эпохи, революции, диктатуры, за которыми угадываются отдельные события из истории России, переживая славу, забвение, изгнания, лишения и, в конце концов, совершая жертвоприношение, духовный подвиг, — в качестве живого символа благополучия и единства островитян.

В этом смысле, в романе *Оправдание острова* совмещены несколько мотивов, разрабатываемых в других романах: мотив разорванной жизни и свидетельства о временах (*Авиатор*), история средневековья, рассказанная полусовременным языком (*Лавр*).

Между тем появляются новые мотивы и новые сюжетные ходы. В *Оправдании острова* автор предпринимает попытку, полностью противоположную *Лавру*, а именно: рассмотреть историю России в метанарративе средневековья — так, как если бы Средневековье никогда не кончалось, а архаичное мышление

сохранялось, — и взглянуть на современные глобальные вызовы с точки зрения некончающейся, длящейся вечности.

Другой мотив — мотив острова. Он уже появляется прежде: в *Авиаторе* это Соловки (остров духовности, он же остров насилия), в *Похищении Европы* это *монастырь*, затерянный в лесах. Тема островного топоса появляется в эссеистике, в статье *Дом и остров* (2014) и размышлениях о Дмитрие Лихачеве¹⁸. Однако в романе 2020 года островной названа не только бывшая территория духовной Родины (например, Византии), но и нынешняя территория, нынешняя культура и современная история России.

В языковом плане, Водолазкин отстранился от приема смешения языков и иллюстрации архаичной лексики (*Лавр*), но привлек другой прием: «маниакальную пристрастность к цитированию»¹⁹.

«Интереснейшее соположение двух разных ритмов жизни»²⁰, отмеченное Галиной Юзефович как художественное достоинство романа, являет нам эффект *островного* времени, в котором действует анахронический принцип — протекание времени в *обратном* порядке, от следствия к причине, из конца в начало. Сначала главные герои стали святыми и бессмертными, а затем совершили мученический подвиг. Родились они князьями и имели высокое предназначение, а затем «очеловечелись» и стали трогательной парой: «два трогательных старика»²¹. В итоге островная точка зрения, она же и архаичная, доминирует: как и в средневековой литературе, *действие* и *личность* подчинены описанию и интерпретации, данным изначально. Ретроспективность подчеркивается и повествовательной структурой: текст о жизни княжеской четы пишут хроникеры, сменяющие один другого, а Парфений и Ксения только правят и комментируют текст, как оказывается, из временного «далека», где намечается контрапунктный момент встречи двух историй.

Сквозь островной хронотоп пробивается ход и развитие иной, континентальной истории, она развивается по другому сцена-

¹⁸ Подробнее: Е. Водолазкин, *Эпоха Лихачева*, «Звезда» 2001, № 11, с. 183–188.

¹⁹ Г. Юзефович, «*Оправдание острова*»: выходит новый роман Евгения Водолазкина (рецензия), <https://meduza.io/feature/2020/11/28/opravdanie-ostrova-vyhodit-novyy-roman-evgeniya-vodolazkina> (25.09.2023).

²⁰ Там же.

²¹ Е. Водолазкин, *Оправдание острова*, Издательство АСТ, Москва 2020, <https://www.litres.ru/book/evgeniy-vodolazkin/opravdanie-ostrova-63461153/> (25.09.2023).

рию, прогрессирует, расширяется, колонизирует территории и подчиняет время иному ритму. Колониальная история вторгается в остров, оккупируя его, заражает остров меркантильностью, находит нефть, вносит в размеренную жизнь потрясения, вновь делит остров на Юг и Север. Становится понятным, что изначальный раскол островитян на южан и северян, описанный в хронике, выходит за рамки жанровой условности. Княжеская чета, выступающая гарантом единства, с течением времени становится лишь символическим напоминанием о кратковременном единстве. Разделение, исторически мотивированное, обнаруживает победу над единством, воссозданном в ретроспекции. В свою очередь континентальная история, в которой угадывается развитие европейской цивилизации в Новое и Новейшее время, представляется как вероломная, агрессивная по отношению к островной культуре.

Двойной взгляд автора на героев дает о себе знать в финальной сцене, во время жертвоприношения: автор сгущает краски, усиливает сакрализацию для островной хронологии и одновременно обнажает анахронические и мифотворческие механизмы, пародирующие сакральность. Разоблачительный эффект проявляется в словах епископа о том, что исполнение пророчества, гарантирующее святость, «не следует понимать буквально»²². Поэтому жертвоприношение — восхождение на гору, к жерлу проснувшегося вулкана — хоть и объявляется исполнением пророчества, но выглядит как пародия на сакральность, обставляется торжественным протоколом в духе помпезных парадов и завершается «трехдневным трауром» по «бессмертным» при том, что останки не были найдены.

Итак, в романе *Оправдание острова* дается попытка восстановить ход сакральной (мифической) истории и рассмотреть некоторые события современной, «континентальной» истории *sub specie aeternitatis*. В этом плане художественный опыт Водолазкина поучителен: несмотря на то, что отпадение от островной истории считается аморальным, тем не менее отпадение происходит по независящим от острова законам, в ходе естественного развития. Роман практически дословно показывает, каким образом русская интеллигенция, замкнувшаяся в островном хронотопе, воспринимает реальное историческое развитие либо как

²² Там же.

враждебное по отношению к себе, либо как любовное. Правда последнее проявляется спорадически, из научного любопытства, и показано на примере французского режиссера Жан-Мари Ле-клера, который решил снять фильм *Оправдание острова* с участием самих героев Парфения и Ксении.

4. РОМАН ЧАГИН — ОПРАВДАНИЕ КОНФОРМИЗМА И МИФОТВОРЧЕСТВА

Роман *Чагин* написан, если отсчитывать от предыдущего романа, довольно быстро — в течение двух лет. Спешка с публикацией дает о себе знать скомканным и не совсем проработанным финалом. Однако выход романа, намеченный на февраль 2022 года, омрачила война, а наложенные санкции и рухнувший рубль взвинтили цену на все романы Водолазкина до 1000 рублей за книжку на *Litres* — так дорого духовность в России еще не стоила никогда, даже в электронных читалках. Теперь, чтобы прочитать о том, что и как думает русский ученый и интеллигент в период так называемой СВО о жизни, мире, человеке, — необходимо заплатить рекордные тысячу деревянных.

Галина Юзефович, чуткий, тонкий и глубокий рецензент — еще перед отъездом из России, но и перед поступлением книги в продажу — отозвалась о книге предельно корректно, но честно, не найдя в ней чаемой глубины, не найдя развития и завершения начатых мотивов: «Раз за разом пытаюсь зацепить в романе что-то обобщающее, концептуальное, возвышающееся над обыденным, хватаешь только воздух»²³. В рамках проекта *Литературные среды* 1 февраля 2022 года состоялась встреча Евгения Водолазкина с читателями (модератором выступила Галина Юзефович), где писатель говорил о новой книге, еще не поступившей в продажу. В частности, по поводу магистральной темы памяти писатель заявил: «Я писал о времени, писал об истории, пришлось писать и о памяти. И, конечно же, о мифе. Мой роман скорее о памяти как мифе»²⁴. Это важное признание, но не является ли оно оговоркой, если учесть, что фраза «память как миф»

²³ Г. Юзефович, «Оправдание острова»...

²⁴ А. Носова (сост.). *Водолазкин: «Опыт человека и память — это на самом деле то, что растворено в его мифе»*, <https://mnogobukv.hse.ru/news/813090356.html> (25.09.2023).

то же самое, что и «правда как ложь»? Водолазкин с какой-то маниакальностью начинает твердить о мифе, стараясь придать ему многогранность и найти мифу оправдание.

Эти выдержки из записи встречи писателя с читателями (вряд ли читавшими роман) ценны той мерой непонимания проблемы памяти, которую продемонстрировал писатель не совсем понимающей публике, рассуждая о памяти и ее же частично опровергая. Этот же аспект заострила Галина Юзефович в своей рецензии:

Уникальная способность Исидора Чагина сохранять в памяти все (не случайно в какой-то момент значимым акцентом в тексте всплывает знаменитый девиз в гербе Фонтанного дома — «Deus conservat omnia», «Бог хранит все») ни в какой момент не становится его определяющей чертой, оставаясь, по сути, лишь декоративной виньеткой — тем единственным, что можно сказать необычного о довольно заурядном, в общем-то, персонаже²⁵.

Такой автодеконструктивизм связан, возможно, с тем, что в основе сюжета лежит история, в сущности, о нелицеприятном человеке, архивисте Исидоре Пантелеевиче Чагине. Он хоть и обладает незаурядными мнемоническими способностями, феноменальной памятью, но ради получения ленинградской прописки пошел на сотрудничество с КГБ и стал осведомителем, *сексотом* (секретным сотрудником). Рассказанная различными нарраторами (или «голосами») и восстановленная задним числом, история о «живом человеке» (по рекомендации издательства *Медуза*) становится стилистически многоголосым, полифоническим повествованием, однако что касается центральной темы памяти—забвения—мифа—свидетельства—стукачества, то она проходит сквозь унылое одноголосие автора, концептуально убывая.

Сама структура романа выдает ее ретроспективный характер. Целая серия нарраторов, вплоть до самых причудливых, страдающих логореей и стремящихся к словоцентричности (Николай Иванович и Эдвард Григ/Эдуард Григорьевич из второй и третьей частей), пытается реконструировать жизнь человека, восстановленную после его смерти. Важную роль при этом играют приемы средневековой литературы: таинственным образом исчезнувший дневник, чудесным образом обретенная по-

²⁵ Г. Юзефович, «Оправдание острова»...

эма Чагина *Одиссея*, написанная гекзаметром; необоснованное появление двух рассказчиков (вторая и третья часть романа), стремящихся заговорить действительность и напоминающих о приеме «*deus ex machina*» (они рассказывают — но кому? автору? — то, чего никто иной не знал). Одним словом, автор даже и не пытается спрятать следы анахронизмов и ретроспективно возникающих рассказчиков.

И как следствие этой ретроспективности, из романа убывает главное: состав преступления, пусть и морального, но все-таки духовного грехопадения. Роман своей структурой пытается сгладить это важное событие из биографии героя, и таким образом оправдать его. Об этом говорит Галина Юзефович: отсутствие покаяния, раскаяния и искупления. Герой не кается по поводу своей ошибки, и его возлюбленная, Вера, оставившая Исидора-Иуду, вновь к нему возвращается. Бельский, жертва доноса, после возвращения из лагерей, прощает Чагина, изобразив обратную версию поцелуя Иуды: соприкоснувшись с Чагиным головой. Вместо Чагина, сексота поневоле, появляется другой предатель, самозабвенный стукач Альберт.

Все это делает саму нарратологическую конструкцию анахронической. Собственно, анахронизм, о котором мы говорим, вписан в структуру романа вполне осознанно. Последняя глава романа называется *Лета и Эвноя* и прямо намекает на *ретроспективное искажение (hindsight bias)*, на искаженную последовательность событий в мифотворческом сознании. „[...] Лета и Эвноя. Первая смывает память о грехах, вторая оставляет человеку воспоминания о добрых делах”²⁶. Из мифических рек, упоминаемых в *Божественной комедии*, именно реки Лета и Эвноя вспоминаются Павлу (одному из нарраторов), и это неслучайно. Река Эвноя (с греч. εὐνοιά ‘*добрая память, благие воспоминания*’) призвана снять «пелену» с памяти, которая «ум заволокла», разогнать «мыслей мглу» и сделать «угаснувшую силу вновь живою»²⁷. Эвноя трансформирует и перестраивает память в сторону «милых» воспоминаний, «идеальной редакции» прошлого согласно правилу ретроспекции, о котором высказыва-

²⁶ Е. Водолазкин, *Чагин*, Издательство АСТ, Москва 2022, <https://www.litres.ru/book/evgeniy-vodolazkin/chagin-68322223/> (25.09.2023).

²⁷ *La Divina Commedia di Dante Alighieri* (сайт), *Божественная комедия Данте Алигьери*, пер. Михаила Лозинского, <http://dantetlt.ru/commedia/pur33.html#105> (25.09.2023).

лись и Ключевский, и Пушкин: «Что пройдет, то будет мило». Можно предположить, что Эвноя символизирует ретроспективную избирательность памяти, ее искажение, и соответственно окончательную трансформацию предательства главного героя в воспоминание, призванное оправдать горькую ошибку молодости. Таким образом, намечается важная тенденция к забвению (Лета) и (само)оправданию (Эвноя).

И как следствие, вместо темы памяти, которая «сохраняет все», происходит перестройка прошлого, искажение памяти. В итоге мы имеем некоторую картину, в которой ностальгические мотивы перемешиваются с оправданием конформизма.

Отсутствие раскаяния, покаяния и искупления очевидный и значимый минус-прием этого произведения. Он намекает на то, что, в сущности, герой — безответственный в прямом смысле этого слова персонаж, полностью полагающийся на время и вечность: время искупит его «грехопадение», а в вечности уже не имеет смысла вопрос, *когда произошло падение героя, до или после?*

Но насколько это важно в аспекте нашего анализа?

Вновь вернемся к средневековому сознанию. Известный специалист по средневековой литературе Виктор Живов считает, что в православной агиографической и в целом древнерусской литературе тема покаяния не была разработана и воспринималась в разное время по-разному. Зачастую в житиях покаяние, понимаемое как перелом в жизни, перемена мыслей, приводящая грешника к феномену духовного перерождения, или рождения свыше, вообще отсутствовало²⁸. Покаяние, а точнее его отсутствие, признается по умолчанию в ретроспективном мышлении.

Такой подход, по умолчанию, переосмысливает покаяние как возвращение к изначальности. В статье о знаменитом и нашумевшем в свое время эссе Александра Солженицына *Раскаяние и самоограничение как атрибут* (1973) Водолазкин фиксирует ретроспективное и анахроническое понимание акта покаяния:

Один из путей преодоления времени — покаяние. Покаяние не изменяет хода событий, но в то же время как бы переписывает его задним числом. При этом понятно, что с точки зрения вечности задних чисел не бывает.

²⁸ В. Живов, *Русский грех и русское спасение* (стенограмма лекции 13.08.2009), <https://polit.ru/articles/publichnye-lektsii/russkiy-grekh-i-russkoe-spasenie-2009-08-13/> (25.09.2023).

Настоящее покаяние — это возвращение к состоянию до греха, своего рода преодоление времени²⁹.

Это высказывание полемически направлено против понимания раскаяния Солженицыным — как исправления путем поступка и ответственности: «Да, всякое покаяние подразумевает исправление, но у Солженицына ударение ставится на обязательности исправления»³⁰. Напомним, ключевое понятие *самоограничение* предполагает политический и территориальный отказ от имперских амбиций и завоеваний³¹.

Наоборот, необязательность исправления через поступок у Водолазкина становится признанием приоритета анахроничности перед справедливостью, перед поступательным ходом вещей. Фраза о «переписывании задним числом» приводит к реабилитации самого анахронического мышления: «с точки зрения вечности задних чисел не бывает». А если учесть, что *вечность* и есть результат анахронического мышления и упразднения истории, то становится ясным, что такая категория нравственности как ответственность снимается и заменяется самооправданием при помощи ссылки на время, вечность, других, Бога.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенностью анахронического и ретроспективного мышления является то, что как таковое ретроспективное искажение уходит в плоскость, которая воспринимается *по умолчанию*, или трактуется как *минус-прием* (его нет формально, но оно предполагается всем строем произведения).

Термин «по умолчанию» в английском определяется как *by default*. В свою очередь, дефолт обозначает падение, ошибку, вину. Посредством этого многозначного слова развивает свою концепцию поздно понимаемой ошибки, заложенной в возник-

²⁹ Е. Водолазкин, *Пророк и его отечество*, w: tegoż, *Иди бестрепетно. Между литературой и жизнью*, Издательство АСТ, Москва 2020, <https://www.litres.ru/book/evgeniy-vodolazkin/idti-bestrepetno-mezhdu-literaturoy-i-zhiznu-48788598/> (25.09.2023).

³⁰ Там же.

³¹ Подробнее: А. Солженицын, *Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни* // А. Солженицын (сост. и ред.), *Из-под глыб. Сборник статей*, УМСА-Press, Paris 1974, с. 115–150.

новение или начало, Бернард Стиглер в эссе *Ошибка Эпиметей (La technique et le temps. Tome 1: La faute d'Épiméthée)*³².

О зримом, вопиющем отсутствии раскаяния как морального поступка мы уже говорили. Другой пример минус-приема: молчание. О молчании, как бы это ни было тавтологично, умалчивается; молчание в романе отменяется по умолчанию. Все в романе подчинено слову, словоцентричности. Герой-мнемонист не только помнит *всё*, но и артикулирует, вербализирует это *всё*, вплоть до самого сокровенного. Нарращивание же слов напрямую связано с наращиванием предметного ряда. В модусе воспоминания наращивание деталей и подробностей, прежде не замечаемых, приводит к эффекту прощения, описанного в поэме Чагина:

Вдруг замечаешь, что нет в описании неких событий —
Слов ли, улыбок, гримас, торопливых шагов, опозданий,
Стука глухого в висках, желваков и вспотевших ладоней.
Помадой, размазанной в спешке, края догорают заката.
Холодом тянет с реки. Деталей таких бесконечность
Взглядом посмертным окинешь — и слёзы, глядишь, высыхают³³.

Таким образом, прошлое мифологизируется и искажается, превращаясь в близкое, милое или доброе явление, а ответственность за проступок снимается: «и слезы, глядишь, высыхают».

В пределах основной проблематики романа *память—забвение* именно *мифотворческая* производная, о которой автор вдруг заговорил накануне выхода книги в тираж, является очевидным приемом, ушедшим в минус.

Роман имеет выход на современность, но Павел и Ника, современные толкователи жизни Чагина и Веры, такие же заложники мифа, заложники Леты и Эвной, мифов Санкт-Петербурга и мифов самого автора, и в целом — русского самосознания, в которых они живут, а Ника к тому же, как и прежде Чагин, кровно заинтересована в получении прописки в Городе, поэтому ее появление и исчезновение в пространстве романа выглядит откровенно двусмысленным.

Обратной стороной мифа, безусловно, является реальность, и как раз она также оказывается сведенной к минус-приему. Почему о реальности автор говорить не пожелал? Эта реальность

³² B. Stiegler, *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*, пер. R. Beardsworth, G. Collins, Stanford University Press, Stanford 1998.

³³ Е. Водолазкин, *Чагин...*

в феврале 2022-го, когда вышла книга, треснула, разбилась, разразилась войной, которую миф не предполагал, как и не предполагал реальности.

В этом смысле миф как главная подспудная тема не выступает портретом, слепком действительности, не является призмой, сквозь которую можно увидеть и истолковать метафоры и образы действительности. Миф, вслед за Айрапетяном, можно уподобить автопортрету, тому, что автор мнит о себе, недопонимая без отражения в зеркале других³⁴. Через миф автор пытается оправдать и себя, и свое нежелание разбираться в проблеме, приведшей к войне между народами, частью которых Евгений Водолазкин является сам.

REFERENCES

- Ayrapetyan, Vardan. *Tolkuya slovo. Opyt germenevtiki po-russki*. Moskva: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2011 [Айрапетян, Вардан. *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски*. Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011].
- Bakhtin, Mikhail. *Sobraniye sochineniy*. Т. 3. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012 [Бахтин, Михаил. *Собрание сочинений*. Т. 3. Москва: Языки славянских культур, 2012].
- Bauman, Zygmunt. *Retrotopia. Jak rzadzi nami przeszłość*. Transl. Lebek, Karolina. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2018.
- Klyuchevskiy, Vasilii. *Sobraniye sochineniy v 9 tomakh*. Т. 9. Moskva: Mysl', 1990. [Ключевский, Василий. *Собрание сочинений в 9 томах*. Т. 9. Москва: Мысль, 1990].
- La Divina Commedia di Dante Alighieri* (web) [Божественная комедия Данте Алигьери] <<http://dantetlt.ru/commedia/pur33.html#105>>.
- Lipovetskiy, Mark. "Anakhronizmy v 'Lavre' Yevgeniya Vodolazkina, ili Naskol'ko ser'yezna 'novaya ser'yeznost'." *Wybitni pisarze wspolczesnej literatury rosyjskiej: Jewgienij Wodolazkin* [Липовецкий, Марк. "Анахронизмы в 'Лавре' Евгения Водолазкина, или Насколько серьезна 'новая серьезность'"]. Skotnicka, Anna, and Janusz Świeży (ed.). Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019: 49–66.
- Vodolazkin: "Opyt cheloveka i pamyat" — eto na samom dele to, chto rastvoreno v yego mife." Nosova, Anastasiya (ed.) [Водолазкин: "Опыт человека

³⁴ Ср. во фрагменте д58: Зеркало понимающего: «Как зеркало показывает невидимое — возвращает мне мою дружость, так моя мысль возвращается ко мне в дружеском ответе понимающего словом, в котором я узнаю смысл («...в этом толковании единый мой сон себя узнаёт» — *Иосиф и его братья*). Но понимающий всегда недопонимает, а непонимание автопортретно. Поэтому наш язык не только зеркало мира, он и невольный образ нас самих». В. Айрапетян, *Толкуя слово...*, с. 132.

- и память — это на самом деле то, что растворено в его мифе”. Носова, Анастасия (ed.) <<https://mnogobukv.hse.ru/news/813090356.html>>.
- Pushkin, Aleksandr. *Polnoye sobraniye sochineniy v 10 tomakh*. Т. 2, Москва–Ленинград: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950 [Пушкин, Александр. *Полное собрание сочинений в 10 томах*. Т. 2. Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950].
- Solzhenitsyn, Aleksandr. “Raskayaniye i samoogranicheniye kak kategorii natsional'noy zhizni.” *Iz-pod glyb. Sbornik statey*. Solzhenitsyn, Aleksandr (ed.). Paris: YMCA-Press, 1974: 115–150. [Солженицын, Александр. “Раскание и самоограничение как категории национальной жизни.” *Из-под глыб. Сборник статей*. Солженицын, Александр (сост. и ред.). Paris: YMCA-Press, 1974: 115–150].
- Stiegler, Bernard. *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Transl. Beardsworth, Richard, and Collins, George. Stanford: Stanford University Press, 1998.
- Vodolazkin, Yevgeniy. “Epokha Likhacheva.” *Zvezda*, 2001, no. 11: 183–188 [Водолазкин, Евгений. “Эпоха Лихачева.” *Звезда*, 2001, no. 11: 183–188].
- Vodolazkin, Yevgeniy. “O srednevekovoy pis'mennosti i sovremennoy literature.” *Tekst i traditsiya* [al'manakh]. Sankt-Peterburg: Rostok, 2013, no 1: 37–55. [Водолазкин, Евгений. “О средневековой письменности и современной литературе.” *Текст и традиция* [альманах]. Санкт-Петербург: Росток, 2013, no. 1: 37–55] <<https://culturolog.ru/content/view/2507/95/>>.
- Vodolazkin, Yevgeniy. *Chagin*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2022 [Водолазкин, Евгений. *Чагин*. Москва: Издательство АСТ, 2022] <<https://www.litres.ru/book/evgeniy-vodolazkin/chagin-68322223/>>.
- Vodolazkin, Yevgeniy. *Dom i ostrov, ili Instrument yazyka*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2014 [Водолазкин, Евгений. *Дом и остров, или Инструмент языка*. Москва: Издательство АСТ, 2014] <<https://www.litres.ru/book/evgeniy-vodolazkin/dom-i-ostrov-ili-instrument-yazyka-6885764/>>.
- Vodolazkin, Yevgeniy. *Idi bestrepetno. Mezhdru literaturoy i zhizn'yu*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2020 [Водолазкин, Евгений. *Иди бестрепетно. Между литературой и жизнью*. Москва: Издательство АСТ, 2020.] <<https://www.litres.ru/book/evgeniy-vodolazkin/idti-bestrepetno-mezhdru-literaturoy-i-zhiznu-48788598/>>.
- Vodolazkin, Yevgeniy. *Opravdaniye ostrova*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2020 [Водолазкин, Евгений. *Оправдание острова*. Москва: Издательство АСТ, 2020] <<https://www.litres.ru/book/evgeniy-vodolazkin/opravdanie-ostrova-63461153/>>.
- Vodolazkin, Yevgeniy. “Srednevekovaya poetika i sovremennaya literatura.” *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN-2015*. Tishkov, Valeryi (ed.). Moskva: Nauka, 2016: 87–93. [Водолазкин, Евгений. “Средневековая поэтика и современная литература.” *Труды Отделения историко-филологических наук РАН-2015*. Тишков, Валерий. Москва: Наука, 2016: 87–93].
- Vodolazkin, Yevgeniy. *Vsemirnaya istoriya v literature Drevney Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleynogo povestvovaniya XI–XV vekov)*. Sankt-Peterburg: Pushkinskiy dom, 2008 [Водолазкин, Евгений. *Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеяного повествования XI–XV веков)*. Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 2008].

- Yuzefovich, Galina. “Chagin’ — roman Yevgeniya Vodolazkina o cheloveke s absolutnoy pamyat’yu, kotorogo verbuyet KGB (retsenziya)” [Юзефович, Галина. “Чагин» — роман Евгения Водолазкина о человеке с абсолютной памятью, которого вербует КГБ (рецензия)] <<https://meduza.io/feature/2022/11/05/chagin-roman-evgeniya-vodolazkina-o-cheloveke-s-absolyutnoy-pamyatyu-kotorogo-verbuet-kgb>>.
- Yuzefovich, Galina. “Opravdaniye ostrova’: vykhodit novyy roman Yevgeniya Vodolazkina (retsenziya).” [Юзефович, Галина. “Оправдание острова’: выходит новый роман Евгения Водолазкина (рецензия)”] <<https://meduza.io/feature/2020/11/28/opravdanie-ostrova-vykhodit-novyy-roman-evgeniya-vodolazkina>>.
- Zhivov, Viktor. *Russkiy grekh i russkoye spaseniye (stenogramma lektsii 13.08.2009)* [Живов, Виктор. *Русский грех и русское спасение (стенограмма лекции 13.08.2009)*] <<https://polit.ru/articles/publichnye-lektsii/russkiy-grekh-i-russkoe-spasenie-2009-08-13/>>.